

Сопоставив фактический материал о первобытных людях, использованный М. Л. Михайловым, с содержанием трех книг, прочтенных Н. Г. Чернышевским, мы убедимся, что они-то и были источником сведений для повести «За пределами истории».

Приведенные наблюдения заставляют по достоинству оценить последнее произведение М. Л. Михайлова. Оно занимает свое место в творческом наследии писателя-революционера отнюдь не случайно, содержит отклик на новейшие открытия мировой науки, важные для идейных позиций шестидесятников, а создано, видимо, не без помощи Н. Г. Чернышевского.

И. И. Шангина

Д. А. ЗОЛОТАРЕВ

(к 100-летию со дня рождения)

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Давида Алексеевича Золотарева, этнографа и антрополога, внесшего большой вклад в изучение русского и финноязычного населения европейской части СССР, представителя русской демократической интеллигенции, с первого дня безоговорочно принявшего Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Д. А. Золотарев (1885—1935) родился в г. Рыбинске (ныне г. Андропов) Ярославской губернии в семье священника. В 1903 г. после окончания Рыбинской классической гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета, но в 1904 г. был исключен за участие в студенческих волнениях. С конца 1904 по 1907 г. жил в Париже; здесь посещал лекции по антропологии и этнологии в Сорбонне и в Русской технической школе. В 1908 г. Д. А. Золотарев вернулся в Россию и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, где специализировался по «отделу географии и антропологии». В 1912 г. после защиты диплома I степени он был оставлен при университете для подготовки к преподавательской работе; в 1916—1917 гг. выдержал экзамен на звание магистра географии и антропологии и стал читать курс лекций по антропологии. В 1918 г. Д. А. Золотарев получил звание профессора¹.

Первые публикации Д. А. Золотарева относятся к 1909—1910 гг. Они были помещены в газетах города Рыбинска и имели краеведческий характер: «Метеорологические станции Ярославской губернии», «Пешеходные экскурсии по Ярославской губернии», «Рыбинск в середине XIX века». Уже в этих первых статьях определился круг этнографических интересов Д. А. Золотарева, занимавшегося в последующие годы систематическим этнографическим обследованием русского и карельского населения Ярославско-Тверского края.

Научная деятельность Д. А. Золотарева началась еще в студенческие годы в рамках Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России при Русском географическом обществе. Эта комиссия была организована осенью 1910 г. группой известных этнографов, антропологов, лингвистов, востоковедов под председательством С. Ф. Ольденбурга, неперменного секретаря Академии наук. Комиссия должна была объединить ученых для планомерного этнографического исследования народов России. Ближайшая ее задача заключалась в составлении этнографических, лингвистических и антропологических карт². Исследователи

¹ Архив Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР (далее АЛОИА), ф. 2, оп. 3, ед. хр. 230 (личное дело Д. А. Золотарева).

² Золотарев Д. А. Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России при И.Р.Г.О. (15 окт. 1910—15 окт. 1915).— Живая старина, 1916, вып. 1, с. XI, XII; Архив Географического общества при АН СССР (далее — АГО), ф. 24, оп. 1, д. 78.

полагали, что картографирование наиболее важных «этнографических категорий», явлений и элементов традиционной культуры поможет раскрыть сложные вопросы этнической истории народов России, истории их культуры. Сопоставление этнографических карт с антропологическими и лингвистическими, по мнению членов комиссии, могло дать интересные сведения о происхождении того или иного народа. Д. А. Золотарев включился в работу комиссии с лета 1911 г., т. е. тогда, когда разрабатывались основные положения будущих карт. Он был в антропологической секции, но участвовал в работе и этнографической секции, занимавшейся картографированием жилища, одежды, хозяйственного быта.

В антропологической секции Д. А. Золотареву было поручено изучение источников для составления карт по антропологии русского народа. В марте 1912 г.³ он доложил комиссии о проделанной работе, представив список опубликованных и рукописных материалов с краткой их характеристикой. Комиссия пришла к выводу о недостаточности имеющихся сведений для составления карт и о необходимости широкого, систематического, «из года в год по одному плану» антропологического изучения русского народа. За период с 1912 по 1915 г. Постоянная комиссия организовала 20 антропологических экспедиций; Д. А. Золотарев работал в пяти из них, обследуя русское население Ярославской, Тверской, Новгородской, Вологодской и Архангельской губерний⁴. За пять полевых сезонов он собрал интересный антропологический материал с обширной, ранее не обследовавшейся так систематически территории. Итогам экспедиций были посвящены четыре статьи⁵. В них автор, по его словам, стремился дать «лишь последовательное изложение цифрового материала, освещенного некоторыми сравнениями и отрывочными данными, которые удалось собрать в литературе»⁶. Привлекая исторические, археологические, этнографические и лингвистические сведения, Д. А. Золотарев пытается выяснить происхождение выделенных им антропологических групп русского народа. Понимая сложность поставленной задачи, он детально анализирует все эти сведения и делает ряд предварительных выводов, постоянно подчеркивая при этом, что они «требуют тщательной дальнейшей разработки»⁷. Эту скрупулезность в сборе материала, осторожность в выводах, высокую научную требовательность отмечали многие знавшие в те годы молодого исследователя. Академик А. А. Миллер в 1919 г. писал: «Значительный материал, собранный Д. А. Золотаревым современным научным методом, обработан со всей осторожностью, диктуемой сознанием тех крупных ошибок, к которым приходили многие исследователи, желавшие с цифровыми данными антропологических исследований непосредственно подойти к разрешению вопросов о происхождении и составных элементах изучаемой народности. Д. А. Золотарев, сознавая всю сложность этих задач, подходит к ним с соответствующим методом, полагая, что более точные выводы могут быть построены лишь на совокупности данных этнологии»⁸.

В этнографической секции Д. А. Золотарев вместе с Д. К. Зелениным и А. К. Сержпутовским занимался разработкой «великорусских опросных листов», с помощью которых этнографы надеялись собрать недостающий для картографирования материал по традиционной культуре русского

³ АГО, ф. 24, оп. 1, д. 83, л. 3.

⁴ Золотарев Д. А. Указ. раб.

⁵ Золотарев Д. А. Антропологические исследования великорусов Осташковского и Ржевского уездов Тверской губ. — Ежегодник Русского антропологического общества при СПб. университете, т. IV. СПб., 1913, с. 9—66; Антропологические данные о великорусах южной части Новгородской земли. — Там же, т. V, 1915, с. 27—62; Антропологические данные о великорусах побережья рек Сухоны и Северной Двины. — Там же, т. VI, 1916, с. 49—82; Антропологические данные о великорусском населении побережья Белоозера и реки Шексны в пределах Новгородской губернии. — Изв. Рыбинского отделения Ярославского естественнo-исторического общества, т. I, Ярославль, 1915, с. 1—32.

⁶ Золотарев Д. А. Антропологические данные о великорусском населении побережья Белоозера..., с. 3.

⁷ Золотарев Д. А. Антропологические исследования великорусов Осташковского и Ржевского уездов..., с. 64.

⁸ АЛОИА, ф. 2, оп. 3, д. 230, л. 8.

народа. Д. А. Золотарев работал над разделом «Одежда и украшения»⁹. Начинаящий ученый, составляя анкету на основе инструкций, выработанных в 1910—1911 гг. членами комиссии С. Ф. Ольденбургом, А. А. Шахматовым, А. А. Миллером, Л. Я. Штернбергом и др., включил в нее вопросы только о тех элементах русской народной одежды, которые могли быть нанесены на карту и сопоставлены с элементами одежды других народов. Уже сам отбор их, проведенный очень тщательно, характеризует Д. А. Золотарева как серьезного специалиста в области этнографии русского народа. При разработке хронологических рамок анкеты ученый несколько отступил от инструкции, предписывающей исследователям выявлять картину современного состояния традиционной культуры народа. Он внес в анкету вопросы, которые давали возможность собрать информацию в исторической перспективе, «не только о признаках имеющих, но и исчезнувших»¹⁰. Осенью 1913 г. «анкета по великорусам» после предварительного обсуждения была принята к печати, но ее рассылка из-за начавшейся первой мировой войны была задержана до 1916 г.¹¹ В 1916—1919 гг. Д. А. Золотарев, будучи секретарем комиссии, занимался организацией работ по распространению анкет и систематизации получаемых ответов¹². Несмотря на тяжелые условия военного времени, он трудился с характерной для него тщательностью и ответственностью, считая, как и другие члены комиссии, что собранный материал послужит «уяснению очередных вопросов государственной жизни» и будет «содействовать делу устройства жизни разноплеменного населения России»¹³.

Научно-организационная деятельность Д. А. Золотарева в 1920-е годы поражает своим объемом и разносторонностью. Он — заведующий отделением русско-финской этнографии Этнографического отдела Государственного Русского музея (и одновременно помощник директора и член правления музея), заведующий разрядами этнической антропологии и этнографии Российской Академии истории материальной культуры (позднее ГАИМК), заведующий Европейским отделом Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран при Академии наук (КИПС), председатель северной комиссии Комиссии экспедиционных исследований Академии наук, председатель антрополого-этнографической секции Ленинградского общества изучения местного края, председатель Анатомо-антропологического общества Ленинграда, член Центрального и Областного бюро краеведения; кроме того, он — член редколлегии журналов «Краеведение», «Известия Русского географического общества», позднее — журналов «Этнография» и «Человек». Одновременно Д. А. Золотарев читает курс лекций по антропологии в Ленинградском государственном университете, Географическом институте и Педагогическом институте им. А. И. Герцена¹⁴.

Однако своим главным делом Д. А. Золотарев считал антропологическое и этнографическое исследование населения СССР. Круг его научных интересов по сравнению с дореволюционным временем значительно расширился. Продолжая начатое в 1910 г. обследование русского и карельского населения Ярославско-Тверского края, он приступает уже с 1920 г. к изучению финноязычного населения Северо-Запада европейской части СССР: карел, вепсов, ижор, води, финнов.

В своей научно-исследовательской деятельности Д. А. Золотарев особенно большое значение придавал полевому сбору материала. Вслед за В. Г. Богоразом он мог бы сказать: «Этнография наука полевая, наука

⁹ АГО, ф. 24, оп. 1, д. 81, л. 9 об.

¹⁰ Анкетные вопросы Комиссии по составлению этнографических карт России, состоящей при отделении этнографии Императорского Русского географического общества. — Живая старина, 1914, вып. 1—2, с. 195—199; АГО, ф. 24, оп. 1, д. 78, лл. 60, 61, 65 об., 66, 106; д. 81, л. 7.

¹¹ АГО, ф. 24, оп. 1, д. 81, л. 9 об.

¹² Там же, д. 78, лл. 108, 113 об., 119, 130, 132, 134.

¹³ Там же, д. 72, л. 152.

¹⁴ АЛОИА, ф. 2, оп. 3, д. 230, лл. 3, 5, 5 об.

путешественников, рождается в аудитории, вырастает в поле»¹⁵. Д. А. Золотарев, как и большинство советских этнографов того времени, был сторонником систематических (стационарных) экспедиционных обследований определенной территории на протяжении нескольких лет. Однако он полагал, что в современных условиях работать в поле непрерывно в течение двух-трех лет, как предлагали инициаторы стационарного метода В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг, невозможно. И ученый предложил свой вариант стационарных экспедиций: сотрудники центральных этнографических учреждений изучают население определенной территории по 3—4 месяца в году в течение нескольких лет, а в остальное время сбор материала проводят подготовленные ими местные краеведы, работающие на специальных этнографических станциях, подчиняющихся центральному учреждению¹⁶. Д. А. Золотарев придавал большое значение деятельности краеведов. Он считал, что хорошо налаженная система краеведческих организаций может оказать большую помощь этнографам.

Д. А. Золотарев полагал также, что участники экспедиций не могут ограничивать себя сбором лишь чисто этнографических сведений. В их задачу должно входить исследование антропологических особенностей, языка, фольклора населения, его экономической и культурной жизни, т. е. «всей совокупности элементов, составляющих определенный бытовой и антропологический облик населения»¹⁷.

Исследователя особенно интересовали современные ему формы народной культуры. Он был глубоко убежден, что изучать необходимо не только «живую старину», но и «живой быт» народа. Рассказывая о проведенных экспедициях, он писал: «Осуществляя работу на местах, мы не старались выискивать прежде всего пережитки прошлого, уцелевшие обломки старой культуры... Мы регистрировали и изучали их, сознавая, что они навсегда отмирают, особенно замечая их место в современной жизни, стремясь понять, чем обусловлено их сохранение в данном месте и как в сознании современного населения претворяются отголоски далекого прошлого. Иногда мы жадно искали „живую старину“, но не забывали, что наша задача — познание „живого быта“»¹⁸. Особенно важным для этнографии Д. А. Золотарев считал фиксацию тех изменений, которые происходили в народном быту под влиянием Октябрьской революции: «... надо успеть не откладывая зарегистрировать и осознать изломы быта деревенского населения в годы исключительной эпохи»¹⁹. Советский ученый рассматривал изучение народной жизни как дело политически важное, имеющее «громадное значение... для государственного строительства»²⁰. Он был уверен, что выводы исследователей могут быть использованы «в целях воздействия на его (народа.— И. Ш.) сознание и в целях изменения уклада жизни деревни»²¹.

Д. А. Золотарев с большой энергией и настойчивостью стремился воплотить в жизнь свою идею о необходимости систематического комплексного изучения населения страны. В 20-е годы он организовал и возглавил три крупнейшие для этих лет комплексные экспедиции: Верхне-Волжскую, Юго-Восточную и Северо-Западную.

Первой из них была Верхне-Волжская этнологическая экспедиция по обследованию русского и карельского населения, имевшая, по словам Д. А. Золотарева, и «методологическое значение как попытка объединить работу центральных и местных учреждений и специалистов по антропологии, языкознанию, этнографии и истории и доказать необходимость

¹⁵ Ленинградское отделение архива АН СССР (далее ЛОА АН СССР), ф. 250, оп. 3, д. 168, л. 17.

¹⁶ Архив Гос. Русского Музея (далее АГРМ), оп. 6, д. 307, лл. 31, 32.

¹⁷ Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926, с. 1.

¹⁸ Там же, с. V.

¹⁹ Там же.

²⁰ Золотарев Д. А. Вопросы изучения быта деревни СССР.— Этнография, 1926, № 1—2, с. 47.

²¹ Там же, с. 45.

длительных и стационарных работ»²². Она проводилась силами Этнографического отдела Русского музея и разрядом этнографии Государственной Академии истории материальной культуры. В ней приняли активное участие местные краеведческие организации. Экспедиция обследовала в течение пяти лет (с 1921 по 1925 г.) территории Бежецкого, Вышневолоцкого, Весьегонского, Краснохолмского, Ржевского уездов Тверской губернии, Мологского, Пошехонского, Ростовского, Любимского уездов Ярославской губернии, а в 1924 г. западные районы Костромской и южные районы Вологодской губерний. В составе экспедиции было свыше 20 специалистов разного профиля: этнографы, антропологи, диалектологи, фольклористы, художники. Основной костяк ее образовали ученые Этнографического отдела Русского Музея и ГАИМК: Н. П. Гринкова, С. А. Еремин, З. П. Малиновская, Е. Э. Бломквист, Л. И. Песселеп, Н. С. Розов, А. Л. Колобаев, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, а также местные краеведы А. И. Михайлов, С. Д. Синицын, М. Б. Едемский, А. И. Иванов, А. Н. Вершинский и другие. Работа проводилась несколькими небольшими отрядами (по 2—3 человека), которые в течение 3—4 месяцев тщательно обследовали определенную территорию, не пропуская ни одного села, ни одной деревни. Зимой этим занимались, как и было задумано, краеведы Рыбинска, Бежецка, Ярославля, Твери, сельские учителя. Д. А. Золотарев, как руководитель экспедиции, много времени уделял различного рода организационным вопросам, прежде всего финансовым. Однако это не помешало ему вести плодотворную собирательскую работу. Д. А. Золотарев занимался антропологическими измерениями карел и русских, выяснял национальный состав населения сел в смешанных русско-карельских районах, приобретал вещи для Этнографического отдела Русского музея.

К сожалению, из-за финансовых трудностей экспедиции не удалось выполнить до конца намеченную программу, но и то, что было сделано за эти 5 лет, поражает своей грандиозностью. Участники экспедиции подготовили к публикации около 9000 печатных листов (90 томов) с рисунками и чертежами²³, сделали свыше 500 фотографий²⁴, собрали для Этнографического отдела Русского музея 2513 экспонатов по традиционному быту русских и карел.

В 1925—1929 гг. Д. А. Золотарев возглавлял Юго-Восточную этнологическую экспедицию, организованную Этнографическим отделом Русского музея и Государственной академией истории материальной культуры. Ее участниками в разное время были Н. П. Гринкова, Е. Э. Бломквист, Л. И. Песселеп, С. Д. Синицын, Н. Ф. Пряткова, Н. И. Гаген-Торн и др. Работа проходила на территории Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерний. В 1925—1927 гг. изучалось русское население, в 1928—1929 гг. — мордва и мещеряки.

Юго-Восточная экспедиция также собрала большой информационный, вещевой и фотоиллюстративный материал. Д. А. Золотарев выступал в этой экспедиции главным образом как руководитель, в собирательской работе он почти не участвовал. Научные интересы его были направлены в основном на изучение населения Северо-Запада европейской части СССР: русских, карел, вепсов, ижор, води, финнов, саамов.

В 1926—1930 гг. возглавляемая Д. А. Золотаревым Северо-Западная экспедиция обследовала огромную территорию: Кольский полуостров, Карелию, Ленинградскую, Новгородскую области, южные районы Вологодской области²⁵. Собранный экспедицией материал был частично опубликован в специальных сборниках Академии наук СССР («Запад-

²² Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений по антропологии, палеоэтнологии и этнографии за последние 10 лет. — Человек, 1928, № 2/4, с. 250.

²³ Некоторые материалы Верхне-Волжской экспедиции были опубликованы в 20-е годы, некоторые — использованы участниками экспедиции позднее, в 50—60-е годы. Большая же часть их хранится в различных архивах Ленинграда.

²⁴ Фотонегативы экспедиции хранятся в фотоархиве Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР и в фототеке ГМЭ народов СССР.

²⁵ Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений..., с. 249, с. 256—258; ЛОА АН СССР. ф. 135, оп. 1, д. 19, лл. 41 об, 44 об, д. 20, л. 62.

нофинском», «Карельском», «Кольском») ²⁶, в работе Д. А. Золотарева ²⁷, а также в многочисленных журнальных статьях ²⁸. Антропометрические измерения, проводившиеся Д. А. Золотаревым во время экспедиции, легли в основу его монографии о карелах ²⁹ и работы о кольских лопарях ³⁰. Северо-Западная экспедиция, как и другие возглавлявшиеся Д. А. Золотаревым экспедиции, пополнила собрание Этнографического отдела Русского музея большим количеством экспонатов. За период с 1926 по 1929 г. в музей было доставлено 985 предметов и 2558 фотонегативов. В 1927—1928 гг. Карельский отряд экспедиции снял фильм «Среди лесов, озер и порожистых рек Карелии» ³¹. В эти же годы были созданы этнографические фильмы из жизни вепсов, ижор, а также русских Ленинградской области ³².

Экспедиции, организованные Д. А. Золотаревым, были в нашей стране первым планомерным, систематическим исследованием разнообразного населения сравнительно большой территории. Они доказали возможность и необходимость подобного рода работ и дали огромный материал для научных исследований в области этнографии русских, карел, вепсов, ижор, води и саамов.

В 1920-е годы Комиссия по изучению племенного состава населения СССР при Академии наук проводила этническое картографирование на всей территории страны. Д. А. Золотарев был избран членом КИПС на втором ее заседании (24 февраля 1917 г.). В 1919—1921 гг. он исполнял обязанности секретаря КИПС, а с конца 1920 до декабря 1930 г. возглавлял ее Европейский отдел ³³. Д. А. Золотарев активно включился в работу по картографированию. В составе особой подкомиссии, в которую входили С. К. Патканов, С. И. Руденко, А. А. Шахматов, Л. Я. Штернберг, он участвовал в подготовке «Инструкции по составлению племенных карт» ³⁴. В ней были изложены принципиальные положения, легшие в основу этнического картографирования, определен круг источников, разработана организационная сторона исследований. В 1921—1925 гг. сотрудники Европейского отдела занимались сбором и изучением этностатистического материала, необходимого для составления карт; разыскивали и доставляли в отдел переписные листы Всеобщей переписи населения России 1897 г., сведения сельскохозяйственной переписи 1916 и 1917 гг., списки населенных мест России начала XX в., рукописные или опубликованные местными учреждениями этнографические карты и т. п. Все эти сведения сверялись с этническими картами, созданными в 1851 г. П. И. Кеппеном и в 1875 г. А. Ф. Риттихом. Собранный статистический материал проверялся на местах во время командировок. Уже к концу 1923 г. была подготовлена значительная часть карт по Европейской России ³⁵. Д. А. Золотарев, руководя отделом, сам непосредственно занимался сбором материала, проверкой сведений на местах и составлением карт Северного и Верхневолжского районов. С помощью В. П. Шибаева, А. П. Вершинского, С. А. Еремина, Н. С. Розова, Ф. А. Фиельструп им были подготовлены и в 1924—1927 гг. изданы карты Мурманской губернии, Северо-Западной области и Карелии, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой, Тверской губер-

²⁶ Западнофинский сборник.—Тр. КИПС, вып. 16. Л., 1930; Карельский сборник. Л., 1929; Кольский сборник.—Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР, серия северная, вып. 23. Л., 1930.

²⁷ Золотарев Д. А. Лопарская экспедиция. Л., 1927.

²⁸ Розов Н. С. Работа Ленинградской этнологической экспедиции 1926 года среди вепсов.—Тр. Ленинградского общества изучения местного края. Л., 1927, т. I и др.

²⁹ Золотарев Д. А. Карелы СССР. Антропологический очерк. Л., 1930.

³⁰ Золотарев Д. А. Кольские лопари.—Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР, вып. 9. Л., 1928.

³¹ Золотарев Д. А. Изучение Карельской республики с 1920 по 1930 г.—газ. Красная Карелия, 23 августа 1930 г.

³² ЛОА АН СССР, ф. 135, оп. 1, д. 45, лл. 5, 6.

³³ Там же, д. 3, лл. 17 об., 21 об.

³⁴ Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России.—Изв. КИПС, Пг., 1917, вып. 1, с. 11.

³⁵ ЛОА АН СССР, ф. 135, оп. 1, д. 3, л. 54; д. 5, л. 27.

ний и губерний Поволжья³⁶. Ко всем картам Д. А. Золотаревым были написаны подробные объяснительные записки³⁷. Работа по составлению этнических карт имела важное государственное значение. Накопленный в КИПС материал широко использовался в осуществлявшемся в 1920-е годы национально-территориальном размежевании страны. В 1920 г. сведения, собранные Европейским отделом, были учтены Народным комиссариатом по иностранным делам при установлении границ нашего государства с западными соседями³⁸. Карты, составленные Европейским отделом КИПС, до сих пор не потеряли научного значения.

Д. А. Золотарев внес вклад и в дело музейного строительства, развернувшегося в нашей стране в 1920-е годы. В первые послереволюционные годы он принимал участие в работе по национализации частных коллекционных собраний, в спасении художественных ценностей от расхищения и вывоза за границу. Будучи в течение двенадцати лет заведующим отделением русско-финской этнографии Этнографического отдела Русского музея³⁹, ученый отдал много сил восстановлению музея. Ведь за годы первой мировой и гражданской войн музейная работа пришла в упадок. Подготовленные экспозиции были свернуты, прекратилось комплектование коллекций, замерла научная жизнь. Здание музея становилось все более непригодным для хранения коллекций: отсутствие отопления, освещения, дезинфекционных средств влекло за собой гибель экспонатов. Д. А. Золотарев и другие хранители Этнографического отдела — А. А. Миллер, Ф. А. Фиельструп, С. И. Руденко, Б. Г. Крыжановский, К. К. Романов предпринимают энергичные меры к сохранению коллекционного собрания музея. «Ученые хранители музея», имевшие звания академиков, профессоров, приват-доцентов вместе с небольшим числом музейных рабочих грузят дрова, проводят первичную реставрацию экспонатов, сушат их, предохраняют от заражения, дежурят по ночам в здании музея⁴⁰.

Среди разнообразной музейной работы Д. А. Золотарев особенно выделял экспозиционно-выставочную. Он рассматривал ее как базу всей просветительной деятельности музея и как итог его экспедиционно-собирательской работы. В 1920—1927 гг. Д. А. Золотарев возглавлял подготовку экспозиций по традиционной культуре русского народа и финноязычного населения европейской части СССР, под которые было отведено шесть залов общей площадью 1500 м². К 3 июня 1923 г. — дню открытия Этнографического отдела Русского музея для посетителей — отделение русско-финской этнографии, в состав которого кроме Д. А. Золотарева входили З. П. Малиновская, Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова, подготовило три «великорусских зала» и два «восточных финнов: мешеряков, бессермян и чувашей»⁴¹. К 10-й годовщине Октябрьской революции был открыт зал, посвященный традиционной культуре карел, ижор, вепсов, води, эстонцев и финнов⁴². Экспозиции были выполнены на хорошем профессиональном уровне (как по содержанию, так и по художественному оформлению). По сути дела, это были чисто этнографические экспозиции, показывающие традиционную культуру народа в XIX — первой четверти XX в.⁴³. Для них были отобраны типичные предметы народного быта и

³⁶ Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. — Труды КИПС, № 12, Л., 1926; Золотарев Д. А., Вершинский А. П. Население Тверского края. Тверь, 1929; Путеводитель «Поволжье». Л., 1925.

³⁷ ЛОА АН СССР, ф. 135, оп. 1, д. 18, л. 33.

³⁸ Там же, д. 5, л. 3.

³⁹ 10 августа 1918 г. Д. А. Золотарев был принят на должность хранителя музея и вскоре стал заведующим отделением русско-финской этнографии. — Сектор рукописей ГМЭ, ф. 2, оп. 1, д. 11а, л. 23.

⁴⁰ Сектор рукописей ГМЭ, ф. 2, оп. 1, д. 11, 11а, 32а; Отчет Русского музея за 1922 г. Пг., 1923, с. 9, 35—37.

⁴¹ Отчет ГРМ за 1923 и 1924 гг. Л., 1925, с. 27.

⁴² Отчет ГРМ за 1926—1927 гг. Л., 1929, с. 20.

⁴³ Этнографический отдел Русского музея. Путеводитель. Пг., 1923, с. 12—19; Бломквист Е. Э., Малиновская З. П., Гринкова Н. П. Великорусы. Краткий путеводитель. Русский музей. Этнографический отдел. Л., 1926, с. 1—24; Золотарев Д. А., Бломквист Е. Э. Западные финны. Путеводитель. Русский музей. Этнографический отдел. Л., 1927, с. 30—32.

искусства, сгруппированные в тематические разделы, характеризующие основные и подсобные занятия, промыслы, жилище, одежду населения. Такого рода экспозиции были тогда в большинстве этнографических музеев, как отечественных, так и зарубежных⁴⁴, но Д. А. Золотарев и его коллеги внесли ряд новшеств в эту привычную экспозиционную схему. Прежде всего они постарались показать те изменения, которые произошли в хозяйственном и бытовом укладе населения после Октябрьской революции. Хотя эта тема не была раскрыта с достаточной полнотой, интересна уже сама попытка экспозиционного ее воплощения. Новым также было введение большого количества фотографий, показывающих, по словам Б. Г. Крыжановского, «жизненную обстановку, в которой когда-то бытовали выставленные в залах этнографические предметы», а «также употребление их в процессах производства»⁴⁵. На экспозициях были впервые показаны карты расселения русского и финноязычных народов на территории СССР.

Д. А. Золотарев придавал большое значение организации временных выставок, в которых он видел действенный способ популяризации музея и этнографической науки. Выставки по итогам полевых сезонов устраивались им не только в стенах Этнографического отдела Русского музея, но и в других учреждениях Ленинграда, а также в тех местах, где проходила его экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ работа: в Ярославле, Бежецке, Рыбинске, Твери, Петрозаводске.

Экспедиционно-выставочная работа Д. А. Золотарева и его коллег в 1920-е годы сыграла важную роль в приобщении народных масс к культуре, способствовала большой популярности этнографических музейных экспозиций у населения.

Д. А. Золотарев много сделал и для развития краеведческого движения в стране. Будучи членом Центрального бюро краеведения, он всемерно содействовал созданию местных обществ любителей родного края, организации краеведческих съездов и конференций.

Работы Д. А. Золотарева в области этнографии имеют большую научную ценность. Он положил начало систематическому изучению русского и финноязычного населения северо-западных и центральных областей СССР: Кольского полуострова, Карелии, Ленинградской, Новгородской, Калининской, Ярославской областей. До 1919 г. такого широкого по охвату территории и глубокого по содержанию обследования русских, карел, вепсов, ижор, води и саамов в нашей стране не проводилось. Собранный во время экспедиций, руководимых Д. А. Золотаревым, вещевой, фотоиллюстративный и информационный материал по хозяйству, жилищу, одежде, обрядам, фольклору русского народа послужил в дальнейшем базой для создания многих фундаментальных работ по русской этнографии. Дневники, статьи, отчеты о работе участников Ленинградской и Северо-Западной экспедиций, приобретенные для музея экспонаты и фотонегативы вплоть до конца 60-х годов были почти единственным достоверным источником наших знаний о традиционной культуре вепсов, води, ижор. Сведения по этнографии води, собранные участниками возглавлявшихся Д. А. Золотаревым экспедиций, поистине уникальны. В наши дни подобного рода информацию собрать уже невозможно, так как процесс растворения води среди русского населения Ленинградской области зашел далеко.

Изучая русское и финноязычное население, Д. А. Золотарев особый интерес проявлял к вопросам взаимодействий их культур. В своих статьях и экспедиционных отчетах он отмечал как общие, так и этнически своеобразные (особенные) черты в хозяйстве и быту этих народов. Д. А. Золотарев первым среди этнографов обратил внимание на те боль-

⁴⁴ Михайловская А. М. Приемы показа этнографических коллекций в музеях.— В кн.: Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок. М., 1972, с. 10; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978, с. 188.

⁴⁵ Крыжановский Б. Г. Принципы экспозиции этнографического музея.— Музейное дело. Л., 1926, вып. 5, с. 5.

шие изменения, которые происходили в традиционной культуре русских, карел, вепсов, води, ижор, саамов под влиянием важнейших социально-экономических процессов, имевших место в стране в послереволюционные годы. Он фиксировал новые явления народного быта, выявлял их соотношение со старым традиционным укладом деревенской жизни.

Все эти материалы, тщательно собранные Д. А. Золотаревым и его коллегами, сыграли существенную роль при разработке в последующее время советскими учеными теоретических основ этнографии. Составленные ученым этнические карты Северо-Запада европейской части СССР и Верхней Волги и подробные указатели к ним также сохранили, как уже отмечалось, научную ценность. Широко используются современными исследователями и антропологические работы Д. А. Золотарева.

Давид Алексеевич предстает перед нами как талантливый ученый, прекрасный организатор, любящий свое дело музейный работник, а в воспоминаниях знавших его людей — как мягкий обаятельный человек.

Э. В. Померанцева

А. Н. АФАНАСЬЕВ И БРАТЬЯ ГРИММ *

Лишь немногим ученым удастся достичь признания всего народа; имя даже выдающегося ученого сравнительно редко получает широкую известность за пределами научных кругов. К таким ученым в России относится филолог XIX в. Александр Николаевич Афанасьев. Столь же неразрывно связаны не только с немецкой наукой, но и со всей немецкой культурой известные всему миру братья Якоб и Вильгельм Гримм.

И братья Гримм и Афанасьев своими теоретическими работами внесли в науку весьма существенный вклад; однако всеобщую любовь широких народных масс, популярность у взрослых и детей завоевали они не этими работами, а собиранием народных сказок, своими книгами «Детские и семейные сказки» и «Народные русские сказки».

Не вызывает сомнений выдающаяся роль братьев Гримм в жизни немецкого народа, неоспоримы их огромные заслуги перед мировой культурой. А. Н. Афанасьева неоднократно называли и называют русским Гриммом: «Знаменитый Афанасьев, Вильгельм Гримм России», — писал о нем видный немецкий фольклорист Фридрих фон дер Лайен¹. Безусловно, такое сравнение обосновано: собрание народных сказок А. Н. Афанасьева — сокровищница русского народно-поэтического творчества. Это первое фундаментальное собрание настоящих народных русских сказок, и его роль в истории русской культуры во многих отношениях сопоставима с ролью в истории немецкой культуры собрания братьев Гримм. В русской науке А. Н. Афанасьев — один из наиболее ярких представителей мифологической школы, созданной братьями Гримм. В некоторых отношениях аналогичны и методы, разработанные ими для публикации фольклорных текстов. Сходны их научные принципы и методы исследования. Однако А. Н. Афанасьев был слишком крупным ученым и занимался изучением достаточно своеобразного материала для того, чтобы рабски подражать во всем своим учителям. «Русский Гримм» был оригинальным, самостоятельным исследователем, творчески переработавшим опыт и достижения своих и русских, и зарубежных предшественников.

* В текущем году исполнилось 200 лет со дня рождения Якоба Гримма — знаменитого филолога и фольклориста. ЮНЕСКО объявило 1985 г. «годом Гриммов». В связи с этим редакция журнала сочла возможным познакомить советских читателей со статьей известного сказковеда Э. В. Померанцевой (1899—1980 гг.), посвященной сравнительному анализу творчества А. Н. Афанасьева и братьев Гримм. Статья была опубликована на немецком языке (A. N. Afanasev und die Brüder Grimm. — Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. B., 1963, Bd. 9, Th. 1, S. 94—103).

¹ Leyen F. von der. Die Welt der Märchen. Bd. II. B., 1954.